

— Госпожа Жуань, — в дрожащем голосе Цинь Хайяо слышалась робкая мольба. — Пожалуйста, давайте поговорим на улице.

Шёл урок, учитель на следующий период уже зашёл в класс, и в коридоре стояла тишина. Прохожих почти не было. Но здесь повсюду висели камеры наблюдения, к тому же в любой момент мог пройти какой-нибудь студент или коллега...

Жуань Ихань оперлась ладонью о подоконник и смерила её холодным, беспощадным взглядом:

— Нет.

Порывистый ледяной ветер затрепал длинные волосы Цинь Хайяо. Она долго молчала, прежде чем опустить голову и едва слышно заговорить:

— Вчера... я не пришла, потому что дома кое-что случилось. Моя младшая сестра заболела.

Жуань Ихань даже не шелохнулась. Она молча разглядывала её лицо, пытаясь понять, сколько в этих словах правды, а сколько — очередной лжи.

Цинь Хайяо подняла голову и устремила на неё беззащитный, полный отчаяния взгляд:

— Госпожа Жуань, умоляю вас. Срывайте злость на мне, делайте со мной всё, что хотите, но не трогайте моих учеников.

Ихань немного помолчала, а затем безучастно произнесла:

— Я дала тебе три дня на размышления.

Хайяо лишь прикусила губу.

— Сегодня последний, — добавила Ихань.

Она властно притянула Хайяо к себе за талию. Та мгновенно оцепенела, хотела оттолкнуть её, но не посмела.

Горячее дыхание коснулось шеи, заставив Хайяо мелко вздрогнуть. Тёмные, как бездна, глаза Ихань на мгновение скользнули по её лицу, после чего она прильнула губами к нежной коже у неё на шее:

— Это предупреждение за вчерашнее.

Рука Хайяо инстинктивно дёрнулась, чтобы оттолкнуть её, но застыла в воздухе. Ей оставалось лишь безропотно сносить это, чувствуя, как лицо заливают густая краска.

Ихань отстранилась и, заметив этот стыдливый румянец, насмешливо покачала головой, после чего развернулась и ушла прочь.

Провожая её взглядом, Хайяо медленно коснулась шеи. В её глазах застыли глубокая печаль и тоска.

Там, под шёлковым платком, скрывавшим тёмный синяк, теперь расплывался нежный розовый след от поцелуя.

Когда Ихань вышла из здания, А-Ли сидела на обочине у дороги. Закатав рукава и штанины, она неторопливо пила колу из бутылки.

Оказавшись на университетской территории, она заметно расслабилась — здешняя атмосфера вмиг навеяла воспоминания об их совместных студенческих годах.

В те времена Ихань была настоящей звездой университета, грозой кампуса, с которой никто не смел связываться.

Но годы пролетели незаметно, и та дерзкая, отчаянная девчонка превратилась в недостижимую госпожу Жуань, главу огромной корпорации.

А-Ли порой испытывала лёгкую грусть: ей казалось, что это высокое кресло не принесло подруге счастья. Будь её воля, она бы без раздумий вернула их беззаботную юность.

— Решила молодость вспомнить? — Ихань скрестила руки на груди, с улыбкой глядя на её раздолбайский вид.

А-Ли виновато усмехнулась и тут же поднялась на ноги:

— Чего так долго? Чем ты там занималась?

— Училась, — сухо бросила Ихань, открывая дверцу машины и небрежно бросая подруге скомканный листок бумаги.

А-Ли поймала его, развернула и увидела записанный от руки номер:

— Это ещё что?

— Передай учителю Сэму, пусть взглянет. Одна девчонка, у неё явный талант к рисованию, — приподняла бровь Ихань.

А-Ли только и смогла безмолвно захлопать глазами. Неужели Ихань торчала там столько времени только ради какой-то талантливой школьницы?

Откинувшись на пассажирском сиденье, Ихань вспомнила, как перепугалась Хайяо, увидев её рядом с Нини, и внутри у неё шевельнулся холодный оскал.

Всё-таки человек отличается от зверя.

Даже начав жизнь заново, она помнила: у каждого долга есть свой проситель. Её враги — это мать и дочь из семьи Цинь, и опускаться до мести невинному ребёнку она не станет.

Но похоже, в глазах почтенного доктора и учителя Цинь она превратилась в самое настоящее чудовище.

Ихань прищурилась, и её губы тронула едва заметная усмешка.

Что ж, тем лучше.

Пусть утончённая, гордая Цинь Хайяо знает, что её судьбой играет безжалостная тварь. Должно быть, для неё это невыносимый позор.

Ихань с нетерпением ждала того дня, когда её гордость будет окончательно растоптана.

По дороге домой Ихань заехала купить ананасовых пирожных с низким содержанием сахара. Бабушка их обожала, но Ихань раньше строго ограничивала её в сладостях из-за угрозы диабета. Теперь же, когда перед глазами то и дело всплывали жуткие картины из прошлой жизни, ей нестерпимо хотелось радовать старую женщину как можно чаще.

Жизнь слишком быстротечна.

Даже получив второй шанс, она не знала, что принесёт завтрашний день.

Цинь Цинь — невероятно опасный противник, да и Цинь Хайяо вовсе не так слаба и беззащитна, какой пытается казаться. Стоит допустить малейшую оплошность, и она снова

полетит в пропасть, где от неё не останется даже костей.

Дома бабушка сидела за столом и прилежно чистила для внучки грецкие орехи. Поверх сползающих на кончик носа очков для чтения она внимательно изучала какие-то бумаги.

Ихань не удержалась от улыбки:

— Что ты делаешь? Прямо как бабушка-белка. Я же просила тебя поменьше напрягать глаза.

— Подумаешь, я ещё не ослепла, — проворчала старушка, подняв на неё взгляд. — Иди сюда, съешь орехи.

Они всегда общались в такой шутливо-ворчливой манере. Бабушка Жуань не умела нежничать, её забота чаще выражалась в напускном ворчании и окриках, но за этим скрывалась безграничная, искренняя любовь.

В последнее время пожилая женщина замечала, что внучка находится в постоянном напряжении. Как-то ночью, встав в туалет, она услышала из её комнаты глухой, полный ужаса крик.

Испуганная старушка вбежала в спальню Ихань и застала ту в полузабытьи: вся в холодном поту, бледная как смерть, она отчаянно цеплялась руками за воздух и бредила: «Не надо, умоляю, бабушка... нет, только не это...»

Тогда у старой женщины чуть сердце не разорвалось от жалости. Поняв, что внучку терзают кошмары, она испугалась, не слишком ли сильно давит на неё с делами компании. Те тревожные разговоры заставили старую госпожу о многом задуматься.

Ихань принялась за орехи, протягивая бабушке коробку с лакомством:

— Держи.

У старушки мгновенно загорелись глаза. Ихань язвительно фыркнула:

— Только не увлекайся. Я предупредила: если протез прилипнет и вывалится, сама будешь виновата.

Бабушка Жуань тут же вскипела:

— Ах ты, паршивка мелкая!

Ихань лишь рассмеялась в ответ и заглянула в лежащие на столе бумаги:

— И что тут у тебя?

Лист был исписан именами — бабушка выводила их от руки, вдумчиво делая пометки: напротив одних стояли аккуратные галочки, напротив других — жирные кресты.

Ихань лишь сделала вид, что скользнула по ним рассеянным взглядом, но сама мгновенно напряглась. Внутри неё всё похолодело от удивления.

Это был список потомков старых соратников семьи Жуань. Многие из них уже сменили отцов на постах и глубоко укоренились в структуре Группы «Жуаньши».

Бабушка Жуань поспешно прикрыла листок ладонью и отогнала её:

— Кыш отсюда! Ешь свои орехи и не лезь, ещё испортишь мне всё. Что ты вообще понимаешь?

Старушка продолжала тихо ворчать под нос, но на самом деле она готовила для внучки надёжный тыл.

Все эти годы она безоговорочно доверяла Цинь Цинь и ценила её деловую хватку. Однако недавние слова Ихань заставили её прозреть. Это Группа «Жуаньши», так почему же все сотрудники — от мала до велика — смотрят в рот Цинь Цинь и преданы ей без остатка?

Внучку же попросту лишили всякой реальной власти. Как она сможет набраться опыта и встать на ноги в таких условиях?

Поэтому старая госпожа решила лично отобрать и расставить на ключевые посты верных, проверенных людей, которые станут опорой для Ихань.

Несмотря на почтенный возраст, бабушка Жуань всё ещё пользовалась непререкаемым авторитетом. Изредка она заглядывала в офис Развлекательной компании «Иян», и молодое поколение сотрудников замирало перед ней в благоговейном восторге, почитая её чуть ли не за божество.

В конце концов, Группа «Жуаньши» — это империя, которую Жуани строили кровью и потом.

Цинь Цинь долгие годы усердно переманивала людей на свою сторону, щедро раздавая блага. Однако старая гвардия в глубине души по-прежнему считала её чужачкой, бесцеремонно

пришедшей на всё готовое.

Ихань с улыбкой послушно отошла в сторону, хотя на душе у неё скребли кошки.

Меньше всего на свете ей хотелось втягивать бабушку в эту грязную борьбу. Старушка была уже слишком слаба, ей приходилось надевать очки с толстыми стёклами, чтобы просто прочесть строчку текста.

Но... Ихань вынуждена была признать: в одиночку ей сейчас с Цинь Цинь не совладать.

Цинь Цинь — чудовищный, расчётливый и безжалостный враг. Пока Ихань оставалось лишь разыгрывать роль капризной, праздной наследницы, чтобы усыпить её бдительность. Но если завтра придётся сойтись в открытом бою, неизвестно, хватит ли у неё сил победить.

Бабушка любила её больше жизни. И даже не произнося этого вслух, она явно обо всём догадалась.

После перерождения Ихань почти лишилась сна. Порой, когда ей удавалось провалиться в тяжёлое, полузабытое забытье, её тут же вырывали оттуда кошмары.

Эта новая жизнь... казалась одновременно и благословенным даром, и сущим адом, где каждый шаг давался с трудом, словно прогулка по тонкому, трещащему под ногами льду. Малейшая ошибка — и бездна снова поглотит её.

Вечером Цинь Хайяо предстояло отправиться в дом семьи Жуань. После утреннего предупреждения она просто не смела послушаться.

Вернувшись домой после занятий, она прилегла немного отдохнуть и снова погрузилась в сон.

Ей снилось, будто Ихань лежит на кровати в полупрозрачном чёрном шёлковом платье. Сама же Хайяо только что вышла из ванной, накинув на влажное тело один лишь банный халат.

— Ты опять курила, — тихо произносит во сне Хайяо, подходя к постели.

Она нежно касается пальцами губ Ихань. Та приподнимает брови и с улыбкой целует её ладонь:

— Вовсе нет.

Хайяо наклоняется ближе, вглядываясь в её глаза. Тело Ихань заметно напрягается, но прежде чем она успевает отстраниться, Хайяо накрывает её губы своими, лишая возможности сделать вдох.

В такой близости невозможно утаить ни единого секрета.

В конце концов покрасневшая, тяжело дышащая Ихань бессильно откидывается на подушки. Хайяо опирается рукой о постель, её длинные волосы мягкой волной спадают на плечи девушки. Она смотрит на неё с едва заметной лукавой усмешкой:

— Всё ещё пытаешься меня обмануть?

— Сестра... Сестрёнка, проснись.

Цинь Момо осторожно трясла её за плечо. Девочка сидела на коленях рядом на кровати, с тревогой и испугом глядя на Хайяо.

Хайяо медленно открыла глаза. На её ресницах всё ещё блестели невысохшие слёзы.

«Что случилось, сестрёнка?» — взволнованно спросила Момо на языке жестов. Ей было страшно: какой ужасный кошмар мог заставить её всегда спокойную сестру так горько плакать во сне?

Хайяо долго лежала неподвижно, уставившись в одну точку, прежде чем тихо заговорить:

— Момо... ты ведь часто спрашивала меня, что случилось потом с героиней той сказки о перерождении, которую я тебе рассказывала?

Момо растерянно моргнула, не понимая, к чему сестра вдруг завела об этом разговор.

Хайяо перевела взгляд на потолок:

— Судьбы людей переплетаются удивительным образом. Кого-то ты ненавидишь с первого взгляда и мечтаешь никогда больше не встречать. А в кого-то влюбляешься без памяти, так, что пути назад уже нет.

Её голос упал до едва различимого шёпота, а в глазах отразилась глубокая, вековая скорбь:

— Оказывается, за право жить заново она заплатила страшную цену — её покарали смертью.

Словно в каком-то жутком круговороте, небеса оставили ей смутное, щемящее чувство дежавю, но безжалостно стёрли всю память о былой любви и боли. Она отчаянно заставляет себя бороться, но бывшие грехи и кошмары, затаившиеся в темноте, с каждым разом ранят всё глубже. И когда её силы иссякнут, эта тьма хлынет наружу, чтобы поглотить её целиком, обрекая на вечные муки... из которых нет спасения.

Момо удивлённо захлопала длинными ресницами, пытаясь уловить суть её туманных слов.

«Если ей так тяжело и больно, почему бы ей просто не сдаться?» — быстро спросила она жестами.

Хайяо ничего не ответила. Её влажные ресницы вздрогнули, и она безмолвно закрыла глаза.

Вечером, когда Хайяо пришла в особняк Жуань, дверь ей открыла сама старая госпожа.

Увидев девушку, бабушка Жуань расплылась в такой широкой улыбке, что показались протезы:

— Проходи, проходи скорее!

Она заговорщически понизила голос:

— А-Хань спит. Заходи пока.

Хайяо переобулась в домашние тапочки и вежливо застыла у порога. Старушка ласково оглядела её с ног до головы:

— Она у себя в комнате. Поужинала и сразу отрубилась, уставшая какая-то в последнее время.

Хайяо молча кивнула, не сводя со старушки внимательного, тёплого взгляда.

Бабушка Жуань тем временем направилась к кухне, чтобы заварить себе овсяные хлопья. Полакомиться подобными вещами она могла только тайком, пока внучка спала.

У Ихань будто крышу сорвало в последнее время — устроила над ней тотальный контроль: это не ешь, то не пей. Настоящее мучение для пожилого человека!

— Давайте я помогу, бабушка.

Это тихое, ласковое «бабушка» прозвучало так естественно и тепло, что старая госпожа на мгновение опешила. Хайяо тем временем закатала рукава шёлковой блузки и подошла к плите.

Бабушка Жуань растерянно обернулась. Назвала её бабушкой?.. Неужто её непутёвая внучка и впрямь успела зайти с этой девочкой так далеко?!

Хайяо будто и не заметила своей оговорки. Она мягко забрала из рук старушки банку с хлопьями и принялась ловко готовить смесь.

Руки пожилой женщины уже заметно дрожали, да и кулинарными талантами она никогда не отличалась. Ихань в этом плане была ещё бесполезнее — вечно то перельёт воды, то не досыплет хлопьев, так что есть невозможно.

Хайяо подошла к делу очень сосредоточенно. На ней была шёлковая блузка благородного королевского синего цвета, которая выгодно подчёркивала белизну её кожи, а в глазах сияло непривычное оживление.

— Вот, держите, старая госпожа, — вежливо улыбнулась она, возвращаясь к прежнему официальному тону.

Бабушка Жуань пристально посмотрела на неё:

— Ты...

— Что-то не так? — Хайяо забеспокоилась, решив, что каша получилась слишком горячей или густой.

Старушка поспешно покачала головой:

— Нет-нет, всё чудесно, милая.

Овсянка действительно получилась отменной — идеальной консистенции и именно такой температуры, как она любила.

Разумеется, после этого её симпатия к девушке лишь возросла. Но как только старая госпожа вспоминала, с каким ледяным бешенством внучка отзывалась о докторе Цинь, её сердце невольно сжималось от тревоги.

— Пойдём в гостиную, доктор Цинь. Я как раз нарезала свежих фруктов.

Старушка увлекла гостью за собой. Раз уж внучка крепко спала, у неё появилась отличная

возможность поговорить по душам и разузнать, что происходит между этими двумя.

К тому же бабушка Жуань заранее навела справки о семье Цинь Хайяо и знала её подноготную.

Пожилая женщина сама в юности познала немало лишений, и семейный кодекс Жуаней строго-настрого запрещал судить о людях по их достатку. Она искренне восхищалась тем, что девочка, выросшая в столь скромных условиях, смогла своим трудом поступить в престижную медицинскую академию и стать уважаемым преподавателем.

Для людей старой закалки такие благородные профессии, как врач, учитель или полицейский, пусть и не приносили золотых гор, всегда ценились куда выше скользкого и опасного бизнеса.

Цинь Шань и Хуан Лань, усыновившие Хайяо в раннем детстве, окружили её теплом и заботой. Несмотря на вечную нехватку денег, они не жалели сил на её образование. К тому же Цинь Цинь втайне оплачивала её занятия: Хайяо с малых лет училась игре на фортепиано, прекрасно разбиралась в теории музыки и обладала удивительным, утончённым аристократическим шармом.

Она сидела на диване под мягким светом торшера, держа спину безупречно прямой. В ней чувствовалась редкая, тихая грация — полная противоположность властной и взрывной натуре Ихань. От этой девушки веяло спокойствием и нежностью, располагавшими к себе с первой минуты.

Бабушка Жуань расспрашивала её обо всём на свете со свойственной старикам дотошностью. Хайяо мягко и терпеливо отвечала на каждый вопрос. Вдоволь угостившись сладкой дыней, она достала из сумочки небольшую коробочку.

В последние дни старая госпожа неизменно тепло принимала её, и Хайяо сочла своим долгом преподнести ответный подарок. Выбор её пал на изящный миниатюрный радиоприёмник — едва увидев его в витрине, она сразу подумала о бабушке Ихань.

— Старая госпожа, госпожа Жуань упоминала, что у вас слабое зрение и вам вредно подолгу смотреть телевизор. Надеюсь, эта вещь скрасит ваши вечера.

Старушка пришла в полный восторг: приёмник выглядел очень изысканно, без лишней вычурности, а благородный серебристо-серый цвет безумно ей шёл.

Пока она с детским любопытством вертела подарок в руках, дверь гостиной с тихим скрипом отворилась. На пороге появилась Ихань в шёлковой пижаме винного оттенка. Сонная, растрёпанная, с полуприкрытыми глазами, она небрежно почёсывала плечо через слегка сползшую бретельку.

— Ба, я есть хочу... — пробормотала она, протирая заспанные глаза.

В такие моменты — на грани сна и яви — сознание человека порой даёт кратковременный сбой, стирая границы времени и пространства, когда реальность мешается с призраками недавних сновидений.

Ихань сонно зевнула и, уставившись затуманенным взглядом прямо на Хайяо, тихо позвала:

— Сяо Хай, приготовь мне суп с клёцками.

В гостиной воцарилась гробовая тишина.

Бабушка Жуань и Хайяо застыли на месте, во все глаза глядя на Ихань.

Та на секунду замерла. Остатки сна мгновенно улетучились, разум прояснился, и до неё наконец дошёл смысл только что сорвавшихся с губ слов.

Молчание затягивалось. Каждый в этот миг думал о своём.

Старушка, разумеется, едва сдерживала торжествующую улыбку. Но для Хайяо и Ихань ситуация приняла куда более сложный оборот.

Хайяо первой нарушила тишину, поспешно поднимаясь с дивана:

— Хорошо, госпожа Жуань. Я сейчас всё приготовлю.

Это сухое «госпожа Жуань» окончательно вернуло Ихань к суровой реальности. Вся сонная мягкость бесследно исчезла с её лица, уступив место привычному ледяному безразличию.

Бабушка Жуань, почувствовав, как сгущается атмосфера, поспешила разрядить обстановку:

— А-Хань, ты только посмотри, какая заботливая у нас доктор Цинь! Узнала, что бабушке вредно смотреть телевизор, и принесла мне этот замечательный приёмник.

Приёмник?..

Ихань перевела взгляд на коробку в руках бабушки, и у неё на затылке мгновенно зашевелились волосы от дикого, животного ужаса.

Дизайн, марка, цвет... Каждая деталь этого проклятого устройства с абсолютной точностью

повторяла тот самый приёмник, который Хайяо подарила её бабушке в прошлой жизни.

Обрывки кошмарных воспоминаний безумным вихрем закружились в её голове, больно впиваясь в сознание:

«Сяо Хай — чудесная девочка, будь с ней поласковее...»

«Мне ничего не нужно, лишь бы ты была здорова. Бабушке одиноко одной, приходите ко мне почаще...»

«Твоя обожаемая, ненаглядная Сяо Хай — моя родная дочь. Плод нашей любви с Хайкунем...»

Слепая, всепоглощающая ярость накрыла Ихань с головой. Теряя над собой всякий контроль, она рванулась вперёд, силой вырвала приёмник из рук опешившей бабушки и наотмашь швырнула его на пол.

Раздался оглушительный треск разлетающегося пластика. Старушка испуганно вздрогнула, у неё чуть сердце из груди не выскочило от неожиданности.

Но в ту же секунду в голове Хайяо словно разорвался снаряд. В ушах поднялся невыносимый гул, какая-то невидимая струна внутри с треском лопнула. Она оцепенело смотрела на обломки, пока в её сознание безумным потоком хлынули чужие, пугающие образы:

«Сяо Хай... Сяо Хай, за что ты так со мной?»

«Я ведь так любила тебя...»

«Цинь Хайяо, веришь ли ты в возмездие?»

«Бабушка, я иду к тебе...»

Лицо Ихань полыхало багровым пламенем, глаза налились кровью. Одного удара ей показалось мало: тяжело дыша, она принялась иступлённо, с дикой яростью топтать ногами несчастный пластиковый корпус, превращая его в мелкое крошево.

Бабушка в ужасе бросилась к ней, пытаясь удержать за руку:

— А-Хань! А-Хань, да что с тобой?! Прекрати сейчас же!

Ею овладел неподдельный страх — внучка сейчас выглядела как абсолютно безумная, опасная для окружающих психопатка.

Ихань грубо оттолкнула её руку. Дикий взор устремился на Хайяо. Схватив безвольную девушку за запястье, она мёртвой хваткой потащила её за собой в спальню.

Бабушка бежала следом, заламывая руки от отчаяния:

— Отпусти её! Ихань, что ты творишь?!

С грохотом захлопнув дверь прямо перед носом старушки, Ихань с силой впечатала Хайяо спиной в стену.

— Не смей приближаться к моей бабушке! — прорычала она прямо ей в лицо, вложив в этот бросок всю свою ненависть.

Удар о стену вышел сокрушительным. Тонкое запястье Хайяо мгновенно покрылось багровыми следами от чужих пальцев. Она бессильно сползла на пол, глядя на Ихань затуманенными, полными непонимания и ужаса глазами.

— Ты меня услышала?! — задыхаясь от ярости, процедила сквозь зубы Ихань.

Она не позволит этому случиться снова. Ни за что на свете. Кошмар из прошлой жизни не повторится. Бабушка будет жить, и она защитит её любой ценой.

Хайяо сидела на коленях, её растрёпанные волосы скрывали бледное, искажённое страданием лицо. Опираясь дрожащей ладонью о холодный паркет, она медленно подняла голову. Крупные, тяжёлые слёзы одна за другой покатались по её щекам.

«Сестра, неужели люди и впрямь могут перерождаться, как ты рассказывала?»

«Неужели это чудо доступно сразу многим?»

«Но какова цена за этот второй шанс?»

«И когда наступит час расплаты?»

«С каждым новым кругом прошлые грехи и кошмары, затаившиеся в темноте, ранят всё глубже. И когда силы иссякнут, эта тьма поглотит её целиком, обрекая на вечные муки... из

которых нет спасения».

Глядя в искажённое ненавистью лицо Ихань, Хайяо чувствовала, как её собственное тело и душа леденеют от ужаса. Она медленно опустила руку в карман блузки, где лежал бумажный розовый журавлик, которого она всегда носила с собой.

Его тонкие бумажные крылья по краям внезапно потемнели, словно обугленные невидимым пламенем.

Её кара началась.

<http://bllate.org/book/20651/2131959>